

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

Международное гуманитарное право о понятии «вооруженные силы»

Котляров И.И.*

Как показывает история становления и развития межгосударственных отношений, войны и вооруженные конфликты являются постоянными спутниками жизни на земле. Ныне в мире существуют многие институциональные механизмы, направленные на предотвращение вооруженных столкновений. Но, к сожалению, даже с их помощью далеко не всегда удается избежать войны. А коль скоро такова реальность, то государствам пришлось пойти по другому пути, с тем чтобы если уж не предотвратить, то хотя бы ослабить ужасающие последствия вооруженных столкновений – принять определенные правила поведения воюющих на поле боя с целью смягчения участи тех, кто так или иначе соприкоснулся с ведением боевых действий или оказался вовлеченным в их орбиту. Одним из главных требований этих правил является положение о том, что представлять государство¹ в такой экстремальный период межгосударственных отношений, как война, должно не все население, а только его часть, то есть определенным образом организованные вооруженные структуры: регулярные и не-

---

* Котляров Иван Иванович – профессор Московского университета МВД России.

¹ Как отмечал Э. де Ваттель, право вести войну принадлежит исключительно суверенной власти. Последней не только принадлежит право решать, следует ли начинать войну, и право объявлять ее, но также и право руководить всеми военными операциями как делом крайне важным для блага государства. Поэтому подданные не могут здесь действовать по собственному почину. Им недозволено совершать никаких враждебных действий без приказа суверена. См.: Ваттель Э. де. Право народов. М., 1960. С. 562.

регулярные войска, охватываемые одним понятием «вооруженные силы» или субъект права войны.

Что же вкладывается в это понятие, каково его юридическое содержание? Единого ответа на этот вопрос российские (советские) и зарубежные ученые не дают, несмотря на существующие международно-правовые акты по этой проблематике, включая Дополнительный протокол I 1977 г., который внес определенную ясность в этот вопрос.

Содержание понятия «вооруженные силы» на различных этапах исторического развития государства и права менялось.

В древности и в средние века считали, что во время войны между государствами *каждого гражданина* (выделено нами. – И.К.) неприятельского государства можно рассматривать как противника, применяя к нему лично и к его собственности различные формы военного насилия. С утверждением буржуазного государства сначала теория, а потом и практика постепенно ограничивают круг лиц, которые могут становиться непосредственным объектом военных действий². Идею как бы «ограниченного» применения насилия к субъектам вооруженных столкновений выдвинул Ж. Ж. Руссо, который отмечал, что «война – это отношения не между людьми, а между государствами, и люди становятся врагами случайно, не как человеческие существа и даже не как граждане, а как солдаты ...»³.

Со времен французской буржуазной революции 1789 г. вплоть до Первой и Второй конференций мира правовое положение участников вооруженных конфликтов в сухопутной войне регулировалось обычными нормами международного гуманитарного права. Считалось общепризнанным проводить различие между организованными вооруженными силами воюющего государства (комбатантами⁴) и мирным населением.

В связи с этим, ссылаясь на современное право войны того времени, профессор Ф.Ф. Мартенс отмечал, что война есть борьба между организованными и специально подготовленными войсками воюющих государств. Отсюда вытекает различие между комбатантами и некомбатантами, т.е. теми из подданных воюющих государств, которые обя-

---

² Коровин Е.А. Краткий курс международного права. Ч. II. Право войны. М., 1944. С. 34.

³ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты, кн. 1. М., 1969. С. 157.

⁴ Комбатанты (фр.) – в международном праве – лица, входящие в состав вооруженных сил воюющих государств, ведущие боевые действия против неприятеля. См.: Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова, Л.С. Шамяна. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1964. С. 311.

заны сражаться и против которых могут быть направлены военные действия, и теми, которые не обязаны сражаться, жизнь и собственность которых должны быть неприкосновенны. И далее ученый делал вывод: «Вот почему воюющею стороною считаются в настоящее время не все без исключения подданные враждующих государств, но только войска, ими вооруженные, и организованные их силы»⁵. Поэтому нападение солдат на мирных граждан неприятельского государства рассматривалось как насилие и преследовалось уголовным судом. В то же время мирные граждане, воюющие с оружием в руках, не имели права на пощаду, если они не принадлежали к организованному государством отряду, не состояли в подчинении соответствующего начальника и не носили форменной одежды. Более того, мирные жители, не сопротивлявшиеся неприятельской оккупации, а затем взявшиеся за оружие, не имели права на обращение с ними как с военнопленными и подлежали наказанию.

Профессор Казанского университета М. Догель отмечал, что необходимо прежде всего точно определить понятие о комбатанте и некомбатанте и установить признаки, по которым воюющие стороны могли бы судить о принадлежности лица к той или другой категории. Одного факта участия лица в активном ведении войны еще недостаточно, необходимо, кроме того, чтобы неприятель признал данного комбатанта законным представителем военной силы того государства, в интересах и от имени которого этот комбатант принимает активное участие в войне. Согласно современному принципу международного права, отмечал ученый, война ведется только между организованными военными силами воюющих государств; следовательно, чтобы иметь право принимать активное участие в ведении войны, надо, строго говоря, принадлежать к этим организованным силам. Именно те лица, которые относятся к организованным структурам государства (органам государственной обороны), т.е. к регулярным войскам, являются *законными комбатантами*⁶. Исходя из своих теоретических рассуждений, М. Догель сформулировал определение законного комбатанта, которым является «лицо, принимающее активное участие в военных действиях в интересах и от имени своего государства,

---

⁵ Мартенс Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 гг. Указ. соч. С. 420–421.

⁶ См.: Догель М. Юридическое положение личности во время сухопутной войны. Комбатанты. Казань, 1894. С. 174.

носящее известный отличительный знак, постоянный и видимый на далеком расстоянии, принадлежащее к какому-либо военным образом организованному отряду, состоящему под начальством ответственного предводителя, и соблюдающее законы и обычаи войны»⁷.

В то же время в войнах XIX в. широкий размах приобрело партизанское движение, в связи с чем возник вопрос о правомерности участия в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований, встававших на защиту своего государства, фактически являвшихся вооруженными силами самообороны: добровольцев (волонтеров), партизан, поголовного восстания населения территории, занятой неприятельскими войсками. В научной литературе того времени широко обсуждалась эта проблема, но единого ответа на сей счет не было.

Так, например, бельгийский ученый Р. Жакмэн и английский юрист Друп считали главным и необходимым условием для признания за лицом прав законного комбатанта наличие известного правительственного поручения (разрешения) этому лицу принимать активное участие в войне⁸. Такого же мнения придерживался и профессор Женевского университета Броше-де-ля-Флешер. Он считал, что законными комбатантами должны признаваться только те лица, которые принимают участие в войне с согласия и по приказу своего правительства. Мундир, военная организация отрядов и их подчинение ответственному командованию – это только внешние формы проявления правительственного разрешения и должны считаться, по его мнению, условиями второстепенными. Поэтому, отмечал автор, нет никакого различия между регулярными и иррегулярными войсками; раз данные субъекты действуют от имени и по приказу своего правительства, то все они должны признаваться законными комбатантами. Что касается поголовных восстаний, то этот ученый решительно отрицал их законность⁹.

Иной точки зрения придерживался М. Догель. Соглашаясь с тем, что участвовать в войне могут только органы государства, он отмечал, что признание за лицами прав законного комбатанта вовсе не означает, что они непременно должны входить в состав правительственных органов. Подобно тому, как современное государственное право всех

---

⁷ Там же. С. 225.

⁸ См.: Droop. On the relations between an invading army and the inhabitants, and the conditions under which irregular troops are entitled to the same treatment, as regular soldiers. London, 1871. P. 713-722; См. также: Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С. 427.

⁹ См.: Brocher de la Fléchère. Les principes naturels du droit de la guerre // Revue de le Droit International. Vol. IV. 1872. P. 1-23; Vol. V. 1873. P. 321-351.

государств признает государственными органами внутреннего управления так называемые органы самоуправления, совершенно отличные от правительственных, так и во время войны, этой борьбы государств, можно признать наряду с правительственными органами государственной обороны органы самообороны государства, ничего общего не имеющие по своему возникновению с правительственными военными органами, как, например, постоянными армиями, ополчением, созываемым правительством, и т.п. Понятно отсюда, что правительственное разрешение не может являться необходимым условием для признания комбатанта законным; государство воюет с государством, а не с частными лицами, следовательно, для того чтобы иметь право принимать активное участие в войне, лицо должно быть государственным органом, т.е., или правительственным – регулярные комбатанты, или органом самообороны государства – иррегулярные комбатанты, иначе сказать, всякое лицо, желающее принимать активное участие в войне, должно выступать на войну от имени своего государства и в его интересах: цель, преследуемая каждым комбатантом, должна быть целью политической. Правительства могут изменяться, государство всегда остается тем же, пока оно не погибнет¹⁰.

Во время франко-прусской войны (1870-1871 гг.) прусский наследный принц издал инструкцию, в которой объявлялось о том, что в каждом городе, в каждой деревне, в которые вступали германские войска, все жители отвечают собственностью и жизнью, если хоть с одним солдатом случится какое-нибудь несчастье вследствие измены или коварства. Командирам полков давались широкие полномочия, на принятие в подобных случаях самых строгих репрессивных мер. И действительно, много захваченных в плен французских франтиреров было расстреляно, и миллионы франков были уплачены французскими городами и селениями в виде пени за подозреваемое потворство партизанам¹¹. Такая позиция германских военных властей европейскими государствами признавалась жестокой. Не менее энергично германское командование обвиняло французское правительство в нарушении законов и обычаев войны¹².

---

¹⁰ Догель М. Указ. соч. С. 199-200.

¹¹ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С. 424-426

¹² Интересная оценка поведения воюющих сторон дается Ф.Ф. Мартенсом. Он пишет, что неминуемым последствием совершаемых «нарушений» воюющими были: со стороны германского военного начальства – «применение с крайней суровостью права войны», со стороны же французского – употребление репрессалий... Между

Проявление воюющими сторонами ничем не оправдываемых жестокостей на поле боя, отсутствие единых для государств правил вооруженной борьбы, одинакового подхода государственных деятелей, военных, ученых к поведению воюющих сторон явились причиной для проведения в 1874 г. Брюссельской конференции, созданной по инициативе России.

Государства на Брюссельской конференции признали важность российского предложения, однако из-за разногласий им не удалось прийти к единому мнению и согласовать текст Международной декларации о законах и обычаях войны, проект которой был разработан на основе российского предложения¹³. В данном случае для нас важно отметить, что в нем содержались и положения о том, кто признается воюющей стороной. В частности, в проекте отмечалось, что «вооруженные силы воюющих сторон могут состоят из сражающихся и несражающихся (*combattants et non-combattants*). В случае взятия в плен как те, так и другие должны пользоваться правами, предоставленными военнопленным» (ст. 11).

После Брюссельской конференции между учеными-юристами западных государств, представители которых принимали в ней участие, развернулась широкая дискуссия по проблеме законных участников вооруженных конфликтов, включая иррегулярные войска.

Под влиянием научных взглядов российских и западноевропейских ученых оттачивались международно-правовые позиции государств, которые и предопределили успех работы международных форумов конца XIX – начала XX в.

На Конференциях мира в 1899 и 1907 гг. были приняты Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, которые урегулировали многие спорные вопросы, касающиеся правил ведения войны, включая проблему участников вооруженных конфликтов, юридически закрепив тем самым существующую к тому времени военную практику.

тем стороны решительно не могли согласиться насчет тех обычаев войны, на обязательную силу которых они ссылались. Постановления женеvской конвенции (имелась в виду Конвенция о защите раненых и больных 1864 г. – Примеч. наше – И.К.) также подвергались серьезным нарушениям, главным образом по той причине, что лица, долженствовавшие их применять, имели о них или крайне шаткие понятия, или не имели никаких См.: Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С. 109-110.

¹³ См.: Приложения к работе Ф.Ф. Мартенса «Восточная война и Брюссельская конференция 1874-1878 гг.». С. 19-34.

Так, в главе I «О том, кто признается воюющим» Положения о законах и обычаях войны, являющегося приложением к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.¹⁴, закреплена норма о том, что «вооруженные силы воюющих сторон могут состоять из сражающихся и несражающихся. В случае захвата неприятелем как те, так и другие пользуются правами военнопленных» (Статья III). Международно-правовое закрепление получили положения Брюссельской конференции о том, что «военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам¹⁵, если они удовлетворяют всем следующим условиям: 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; 2) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак; 3) открыто носят оружие и 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны» (ст. I). Кроме того, в этой же статье (ст. I) оговаривается, что в тех странах, где ополчение или добровольческие отряды составляют армию или входят в ее состав, они понимаются под наименованием армии.

Воюющей стороной признано также население незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно возьмется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками и которое не имело времени устроиться, если будет открыто носить оружие и соблюдать законы и обычаи войны (Статья II). Что касается населения оккупированной территории, его правомерности ведения вооруженной борьбы против неприятельских войск, то в Конвенции 1907 г. на этот счет ничего не говорится. По существующим на то время обычным нормам против населения, взявшегося за оружие для борьбы с неприятельскими войсками, могли применяться уголовные меры наказания. Прав-

---

¹⁴ См.: Международное гуманитарное право в документах. М., 1996. С. 434-444.

¹⁵ Примечательно, что правила ведения войны, регулирующие поведение воюющих, Положением о законах и обычаях сухопутной войны определяются как «военные законы...», которые применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам» при определенных четырех условиях (ст. I). Правда, несмотря на то, что в большинстве литературных источников по этой проблематике отмечается, что этой статьей партизаны отнесены к воюющим, на самом деле в ней о партизанах даже не упоминается. Авторы исходят из того, что понятием «добровольческие отряды» охватываются и «партизаны». Партизан [фр. *partisan*] – участник вооруженной борьбы в тылу вражеской армии. действующей в составе добровольческого отряда из местного населения. Массовое партизанское движение имеет очень большое значение как одна из форм всенародной борьбы против иностранных захватчиков, а также во время гражданских войн – в борьбе народных масс против эксплуататорских классов. См.: Словарь иностранных слов. С. 477).

да, в преамбуле Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. высокие договаривающиеся стороны заявили, что «в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания». Свое сомнение по поводу этой оговорки (Мартенса) высказал профессор Берлинского университета Ф. Лист, который отмечал, что «заявлением этим державы лишь уклонились от решения, ибо таких международно-правовых начал, которые признавались бы всеми, именно и не существует еще в настоящее время. Военные державы будут продолжать и впредь, как они делали это раньше, отказывать в признании в качестве воюющего населению, выступившему с оружием в руках против армии, которая заняла его территорию...»¹⁶. Последующие войны и вооруженные конфликты подтвердили правильность рассуждений Ф. Листа.

Что же касается «несражающихся», то в Гаагской конвенции 1907 г. определение этого понятия не приводится. Однако из смысла ст. XIII вытекает, что к ним относятся лица, сопровождающие армию, но не принадлежащие собственно к ее составу, как-то: газетные корреспонденты и репортеры, маркитанты, поставщики. При этом оговаривалось, что случае захвата или задержания их неприятелем они пользуются правами военнопленных, если только имеют удостоверение от военной власти той армии, которую они сопровождали. Как мы видим, Конвенция 1907 г. несколько сужала содержание понятия «несражающиеся» по сравнению с существовавшими до нее обычными нормами международного права, которые относили к ним лиц, как входящих в состав действующей армии и следующих за нею, но непосредственно не принимавших участие в военных действиях, так и отдельных гражданских лиц, о чем говорилось выше. Комментируя Положение о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., американский профессор Ч.Ч. Хайд отмечал, что отдельных гражданских лиц можно рассматривать как некомбатантов в строгом смысле этого слова, пока они воздерживаются от совершения каких-либо враждебных актов, направленных против неприятельских вооруженных сил. Однако в тех случаях, когда они виновны в совершении таких действий, например в нападе-

---

¹⁶ Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Перевод с шестого немецкого издания под ред. В.Э. Грабаря. Юрьев, 1912. С. 396.

нии на неприятельских парашютистов, они, несомненно, подвергаются опасности быть наказанными без суда, если их захватит неприятель¹⁷.

Таким образом, Гаагские конвенции 1899, 1907 гг. о законах и обычаях сухопутной войны впервые юридически урегулировали отношения между воюющими государствами, стали закономерным итогом воплощения прогрессивных начал Брюссельской декларации 1874 г., научных дискуссий ученых, военных, дипломатов, юристов-международников и обычно-правовой практики государств.

Такое положение сохранялось до конца 40-х годов прошлого века, т.е. до принятия в 1949 г. Женевских конвенций о защите жертв войны. Следует заметить, что в Женевских конвенциях не приводится определение вооруженных сил. И более того, в отличие от предыдущих международно-правовых актов (Положения о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.), в них не применяются термины «сражающиеся» («комбатанты»), «несражающиеся» («некомбатанты»), ранее используемые для обозначения законных участников вооруженных конфликтов. Правда, в ст. 30 Конвенции II, где речь идет о госпитальных судах, отмечается, что они «не должны ни в чем стеснять движений *сражающихся*» (курсив наш. – И.К.). В ст. 65 Дополнительного протокола I также употребляется термин «комбатанты» в контексте ношения ими личного оружия, отличного от оружия персонала гражданской обороны. Но это, разумеется, не вносит никакой ясности в классификацию законных участников вооруженных конфликтов.

С принятием этих конвенций значительно расширился круг лиц, которые признавались непосредственно сражающимися и находились под защитой международного гуманитарного права, за счет включения в это понятие:

– лиц, относящихся к ополчению, добровольческим отрядам и организованным движениям сопротивления, воюющих на оккупированной территории и вне ее пределов при соблюдении определенных условий, т.е. этим самым в отличие от Гаагской конвенции 1907 г. признавалось право населения на организованную вооруженную борьбу с оккупантом;

– лиц из состава регулярных вооруженных сил, считающих себя в подчинении правительства или власти, не признанных держащей в плену державой;

---

¹⁷ Хайд Ч.Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. Т. 5 / Под ред. С.Б. Крылова. М., 1953. С. 183.

– членов экипажей судов торгового флота, включая капитанов, лоцманов и юнг, и экипажей гражданской авиации сторон, находящихся в конфликте, которые не пользуются более льготным режимом в силу каких-либо других положений международного права.

Судя по названию и сфере применения, указанной в статьях 13–13–4 соответственно Конвенций I–II–III (к раненым и больным; к раненым, больным и лицам, потерпевшим кораблекрушение на море; к военнопленным), можно прийти к выводу, что к сражающимся, как и в Гаагской конвенции, помимо названных выше категорий, относятся:

– личный состав регулярных вооруженных сил, а также личный состав ополчения и добровольческих отрядов, входящий в эти вооруженные силы;

– население неоккупированной территории, которое при приближении неприятеля стихийно по собственному почину берется за оружие для борьбы со вторгающимися войсками, не успев сформироваться в регулярные войска, если оно носит открыто оружие и соблюдает законы и обычаи войны.

Что касается другой категории законных участников вооруженных конфликтов, то Женевскими конвенциями I–II–III 1949 г. они определяются как *«лица, следующие за вооруженными силами, но не входящие в их состав непосредственно»* (выделено нами. – И.К), как, например, гражданские лица, входящие в экипажи военных самолетов, военные корреспонденты, поставщики, личный состав рабочих команд или служб, на которых возложено бытовое обслуживание вооруженных сил, при условии, что они получили на это разрешение от тех вооруженных сил, которые они сопровождают (п. 4 ст. 13–13–4 соответственно указанных выше конвенций). Они, судя по взаимодействию с вооруженными силами, доктриной международного права охватываются термином «несражающиеся». По сравнению с существовавшими до конца XIX в. обычно-правовыми нормами и заключенной государствами Гаагской конвенцией 1907 г., к несражающимся также отнесены и гражданские лица экипажей военных самолетов. Использование фразы «как, например» в тексте п. 4 названных статей Конвенций дает основание для предположения, что приводится лишь примерный перечень категорией несражающихся, который в принципе не является исчерпывающим и может быть расширен.

Как видно, в Гаагском положении и Женевских конвенциях все лица из состава армии, вооруженных сил считаются комбатантами, а от на-

родного ополчения, добровольческих отрядов и организованных движений сопротивления требуется, чтобы они удовлетворяли четырем условиям для того, чтобы их участники могли считаться комбатантами, имеющими право на статус военнопленного. В основе такого подхода к сражающимся лежит мысль о том, что регулярные вооруженные силы в силу сложившейся практики сами по себе отвечают этим четырем условиям, и, следовательно, к ним нет необходимости предъявлять такие требования.

Отсутствие в Женевских конвенциях четких определений и классификации законных участников вооруженных конфликтов вызвало в научной литературе большой разброс мнений по этому вопросу, достаточно широкое толкование их положений.

Коль скоро несражающиеся непосредственного участия в вооруженной борьбе не принимают, то в теории ученые за основу разграничения сражающихся и несражающихся стали брать их причастность к ведению военных действий. Такова логика рассуждений была у многих авторов, и, пожалуй, они были правы.

Исходя из этого, профессор И.Н. Арцибасов некомбатантами считал лиц, входящих в вооруженные силы, оказывающих помощь этим вооруженным силам, но самих при этом непосредственно в боевых действиях не участвующих: медицинский, интендантский персонал, корреспондентов газет, репортеров, духовенство. В случае же непосредственного их участия в боевых действиях они ничем не отличаются от прочих комбатантов¹⁸.

Профессор Г.М. Мелков за основу разграничения комбатантов и некомбатантов берет более широкий комплекс признаков: причастность к военным действиям, характер выполняемых ими обязанностей и объем предоставляемой международно-правовой защиты¹⁹.

Профессор Л.И. Савинский отмечал, что к числу некомбатантов²⁰ должны быть отнесены все входящие в состав вооруженных сил или следующие за ними лица, *которые по роду своей деятельности, как правило, не принимают непосредственного участия в вооруженной*

¹⁸ См.: Арцибасов И.Н. Международное право (законы и обычаи войны): Учебное пособие. М., 1975. С. 26-27.

¹⁹ Мелков Г.М. Международное право в период вооруженных конфликтов. М., 1988. С. 18.

²⁰ Несмотря на то что в русском тексте международно-правовых документов эта категория лиц переводится как «несражающиеся», все же большинство российских (советских) авторов используют термин, взятый из иностранного языка, – «некомбатанты».

борьбе, а оружие, имеющееся у них, применяют главным образом в целях самообороны. При таком подходе к некомбатантам могли бы быть отнесены: военные корреспонденты и репортеры, поставщики и интенданты, личный состав рабочих команд или служб, занимающихся как бытовым, так и культурным обслуживанием армий, военно-юридический, медико-санитарный, ветеринарный и духовный персонал, гражданские лица, входящие в экипажи военных самолетов, члены экипажей судов торгового флота и гражданской авиации и другие лица²¹. Как мы видим, этот автор значительно расширяет круг некомбатантов и относит к ним, помимо названных в Конвенциях 1949 г. лиц, военно-юридический, медико-санитарный, ветеринарный и духовный персонал, а также, лиц, занимающихся культурным обслуживанием армий, и других лиц. Более того, понятием «некомбатанты» им охватываются и члены экипажей судов торгового флота и гражданской авиации, что, по мнению большинства ученых, напрямую противоречит п. 5 ст. 13–13–4 соответственно Конвенций I–II–III 1949 г.

Характеризуя организационные связи некомбатантов с вооруженными силами сторон, находящихся в конфликте, отмечал далее ученый, следует указать, что одни категории этих лиц включены в состав специальных подразделений армии (военные юристы, интенданты, медико-санитарный, ветеринарный персонал), другие следуют за вооруженными силами, не входя в их состав непосредственно (военные корреспонденты, поставщики и др.). Лица, относящиеся ко второй категории некомбатантов, должны быть снабжены соответствующими разрешениями и удостоверениями от вооруженных сил, которые они обслуживают (сопровождают), с указанием характера и рода их деятельности.

В случае если некомбатант окажется по тем или иным причинам вовлеченным в вооруженную борьбу, он тем самым *фактически* превращается в комбатанта, и противник, во власти которого он окажется, вправе рассматривать его именно в качестве такового. Таким образом, к некомбатантам относятся лишь те лица, которые действительно не принимают непосредственного участия в военных действиях, и до тех пор, пока они в эти действия не включаются²².

---

²¹ См.: Полтораки А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право. М., 1976. С. 239–240.

²² См.: Полтораки А.И., Савинский Л.И. Указ. соч. С. 239–240.

Как мы видим, названные выше авторы говорили о некомбатантах как лицах: а) *входящих* в вооруженные силы; б) *сопровождающих* вооруженные силы. Более того, в тех случаях, когда они оказывались вовлеченными в вооруженную борьбу, они становились комбатантами. То есть *причастность к военным действиям* (пока не воюет – некомбатант, стал в боевой порядок сражающихся – превратился в комбатанта) бралась за основу разграничения комбатантов и некомбатантов.

В то же время правовое положение некомбатантов Женевские конвенции 1949 г. рассматривают значительно уже, определяя их как лиц, *следующих за вооруженными силами, но не входящих в их состав непосредственно*. Каких-либо оговорок о возможности их участия в военных действиях и трансформации в связи с этим в комбатантов в названных документах не содержится.

Спустя 70 лет со дня принятия Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, в 1977 г., на дипломатической конференции, принявшей Дополнительные протоколы I, II к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г., впервые было сформулировано понятие «*вооруженные силы*». Дополнительный протокол I (п. 1 ст. 43) связывает это понятие с наличием:

- военной организации, в которой группы и подразделения находятся под командованием лица, ответственного за поведение подчиненных;
- внутренней дисциплинарной системы, обеспечивающей соблюдение норм международного гуманитарного права в период вооруженных конфликтов.

Приведенное определение вооруженных сил, таким образом, содержит два признака, позволяющих правомерно относить вооруженную организацию к субъекту права войны, и охватывает всех лиц, которые представляют воюющее государство в вооруженном конфликте и подчиняются его командованию. Этим оно принципиально отличается от Гаагского положения 1907 г. (ст. III) и Женевских конвенций I–II–III (п. 1 ст. 13–13–4 соответственно), в которых речь идет об армии, вооруженных силах, включающих личный состав ополчения и добровольческих отрядов, но не приводятся критерии (черты), характерные для них как для законных представителей государства в вооруженном конфликте. Что же касается другой категории воюющих – ополчений, добровольческих отрядов и организованных движений сопротивления, не входящих в состав вооруженных сил, – то они счи-

таются сражающимися при соблюдении известных четырех условий (имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак; открыто носят оружие и соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны).

В определении вооруженных сил не проводится различия между регулярными и нерегулярными вооруженными силами, а все вооруженные силы, группы и подразделения, находящиеся под командованием лица, ответственного перед этой стороной за поведение своих подчиненных, определяются как вооруженные силы воюющей стороны. Более того, из обязательных четырех условий, которым должны были отвечать нерегулярные вооруженные силы, закрепленные в предыдущих нормативно-правовых актах 1907 и 1949 гг. (Гаагском положении и Третьей Женевской конвенции), из определения исключены два: а) иметь определенный и явственно видимый издали отличительный знак и б) соблюдать в своих действиях законы и обычаи войны. Правда, требование иметь отличительный знак в Дополнительном протоколе I все же осталось: оно содержится в ст. 44, его соблюдение обусловлено предоставлением комбатанту статуса военнопленного, о чем скажем ниже. Второе условие в определении вооруженных сил не приводится в силу того, что оно восполнено положением о дисциплинарной системе, обеспечивающей среди прочего соблюдение норм международного гуманитарного права.

Как верно отмечают Ж.-М. Хенкертс и Л. Досвальд-Бек, определение, данное в ст. 43 Дополнительного протокола I, сейчас обычно применяется к любым типам вооруженных групп, принадлежащих стороне в вооруженном конфликте, чтобы решить, являются ли они вооруженными силами. Следовательно, больше нет необходимости проводить различие между регулярными и нерегулярными вооруженными силами. Все группы, удовлетворяющие условиям ст. 43 Дополнительного протокола I, являются вооруженными силами²³.

Кроме того, в п. 2 ст. 43 Дополнительного протокола I определено, что **лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала. – Выделено нами. И.К.), являются комбатантами, т.е. они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях.**

---

²³ См.: Хенкертс Ж.-М. и Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. М., 2006. С. 21.

Понятно, что организационная структура, численность, порядок комплектования вооруженных сил определяются национальным законодательством. Так, например, согласно ст. 1 Федерального закона «Об обороне» 1996 г. в целях обороны создаются Вооруженные Силы Российской Федерации²⁴. К обороне привлекаются внутренние войска Министерства внутренних дел Российской Федерации, войска гражданской обороны (далее – другие войска). Для выполнения отдельных задач в области обороны привлекаются инженерно-технические и дорожно-строительные воинские формирования при федеральных органах исполнительной власти (далее – воинские формирования), Служба внешней разведки Российской Федерации, органы федеральной службы безопасности, федеральный орган специальной связи и информации, федеральные органы государственной охраны, федеральный орган обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации (далее – органы), а также создаваемые на военное время специальные формирования.

Каждое воюющее государство вправе включать в свои вооруженные силы полувоенную организацию или вооруженную организацию, обеспечивающую охрану порядка, сообщая об этом противнику (п. 3 ст. 43 Протокола I).

В структуру вооруженных сил входят и лица, которые по своему предназначению и роли в военной организации не наделены функциями принимать непосредственное участие в военных действиях: военные интенданты, военные корреспонденты, военные юристы. Они *в принципе вправе братья за оружие*, т.е. воевать, так как по определению являются комбатантами.

Что же касается военных юристов, то здесь необходимо сделать некоторые уточнения. В данном случае речь идет не обо всех военных юристах, а только о тех, которые входят в структуру вооруженных сил государства. В то же время в штатной структуре военных судов и военных прокуратур как части соответственно судебной системы и органов прокуратуры Российской Федерации, проходят службу военные юристы, которые не входят в состав Вооруженных Сил России.

²⁴ Вооруженные Силы РФ включают: три вида Вооруженных Сил – Сухопутные войска, Военно-Воздушные Силы и Военно-Морской Флот; три рода войск – Ракетные войска стратегического назначения, Воздушно-десантные войска и Космические войска; Тыл Вооруженных Сил, войска и органы, не входящие в виды Вооруженных Сил. См.: Военное право в документах. Сборник нормативных актов. Составитель А.Н. Сурков. М., 2001. С. 25-44.

До принятия Дополнительного протокола I в отношении этой категории военных юристов проблемы в деле определения их правового статуса как законного участника вооруженного конфликта не возникало в силу практикуемого принципа причастности к военным действиям: воюет – комбатант, не воюет – некомбатант. Сейчас же, если строго исходить из определения вооруженных сил, то военные юристы военных судов и военных прокуратур формально не могут рассматриваться как комбатанты. Не подпадает эта часть военных юристов и под категорию некомбатанты, хотя по своему предназначению (профилактика правонарушений и борьба с преступностью, включая уголовное преследование лиц за совершение международных преступлений) они, борясь с пороками армейского общества, больше тяготеют к некомбатантам. То есть получается, что их правовое положение на сегодняшний день не урегулировано нормами международного гуманитарного права. Однако этот пробел восполнен в законодательстве ряда зарубежных государств. Так, например, в военном уставе Германии предусматривается, что «лица, которые входят в состав вооруженных сил, но не участвуют в выполнении боевых заданий, такие как *судьи* (выделено нами. – И.К.), правительственные чиновники и рабочие, являются некомбатантами»²⁵.

В любом случае военные судьи или прокурорско-следственные работники могут применять оружие в целях самообороны. В то же время, если, например, военный следователь, находясь в войсках в период вооруженного конфликта, по разным мотивам (патриотическое чувство долга перед Родиной, создавшаяся определенная военная обстановка или то и другое), берется за оружие для борьбы с врагом, то он фактически становится участником военных действий, то есть комбатантом. Неопределенность правового положения военных судей, военных прокуроров и следователей в условиях войны нуждается в правовом урегулировании российским законодательством.

Говоря об иных категориях лиц, обозначенных как «лица, следующие за вооруженными силами, но не входящие в их состав непосредственно» (п. 4 ст. 13–13–4 соответственно Женевских конвенций I–II–III), например гражданские лица, входящие в экипажи военных самолетов, трудно себе представить, чтобы такая категория законных участников вооруженных конфликтов ныне могла существовать в вооруженных силах цивилизованных государств. Чисто теоретически

---

²⁵ См.: Хенкерс Ж.-М. и Досвальд-Бек Л. Указ. соч. С. 17.

в соответствии с Дополнительным протоколом I они могут быть отнесены к гражданским лицам. Что касается, поставщиков, личного состава рабочих команд или служб, на которых возложено бытовое обслуживание вооруженных сил, т.е. военных интендантов²⁶, то они входят в состав современных вооруженных сил государств и относятся к комбатантам, о чем говорилось выше.

С принятием Дополнительного протокола I комбатантами не могут рассматриваться члены экипажей судов торгового и воздушных судов гражданского флотов (см. п. 5 ст. 4 Конвенции III), так как они не отвечают требованиям, предъявляемым к вооруженным силам и не входят в их состав (ст. 43 п. 1, 2). Для того чтобы экипажи названных судов могли быть отнесены к комбатантам, представляется, что такого рода суда должны быть обращены в военные, а сами экипажи поставлены под прямую власть, непосредственный контроль и ответственность державы, флаг которой они несут, как того и требует Конвенция об обращении торговых судов в суда военные 1907 г.²⁷

Исходя из определения вооруженных сил, сформулированного в Дополнительном протоколе I, анализа других существующих международно-правовых документов, можно прийти к выводу, что комбатантами являются:

- личный состав вооруженных сил государства, а также личный состав ополчений и добровольческих отрядов, партизан, других полувоенных или вооруженных организаций, включенных в их организационную структуру;

- личный состав ополчения, добровольческих отрядов, организованных движений сопротивления, партизан (не входящих в штатную структуру вооруженных сил воюющего государства), сражающихся на оккупированной территории и вне ее пределов, если их участие в боевых действиях отвечает четырем условиям;

- члены экипажей судов торгового флота, включая капитанов, лоцманов и юнг, и экипажей воздушных судов гражданской авиации, если эти суда переоборудованы в военные, а их экипажи поставлены под власть воюющей стороны;

---

²⁶ Интендант [фр. *intendant*] – военнослужащий офицерского состава, ведающий вопросами интендантской службы в воинских частях и учреждениях; обычно к интендантской службе относится снабжение войск продовольствием, фуражом, обмундированием, снаряжением. См.: Словарь иностранных слов. С. 257-258.

²⁷ См.: Арцибасов И.Н. Указ. соч. С. 135.

– личный состав регулярных вооруженных сил, считающих себя в подчинении правительства или власти, не признанных держащей в плену Державой;

– население неоккупированной территории, которое при приближении неприятеля стихийно по собственному почину берется за оружие для борьбы со вторгающимися войсками, не успев сформироваться в регулярные войска, если оно открыто носит оружие и соблюдает законы и обычаи войны.

Комбатантами являются также военные разведчики²⁸, и на них распространяется режим военного плена, что нашло отражение в ст. 46 Дополнительного протокола I. В ней говорится, что лицо из состава вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, которое от имени этой стороны собирает или пытается собирать информацию на территории, контролируемой противной стороной, не считается лицом, занимающимся шпионажем, если, действуя таким образом, оно носит форменную одежду вооруженных сил.

В отличие от разведчиков шпионы не относятся ни к одной из категорий законных участников вооруженных конфликтов. Положения о шпионах явились логическим развитием норм о лазутчиках, предусмотренных Гаагским положением о законах и обычаях сухопутной войны. Лазутчиком по смыслу этого документа «может быть признаваемо только такое лицо, которое, действуя тайным образом или под ложными предлогами, собирает или старается собрать сведения о районе действий одного из воюющих с намерением сообщить таковые противной стороне» (ст. XXIX).

Согласно Дополнительному протоколу I, шпионом признается любое лицо из состава вооруженных сил воюющего государства, попадающее во власть неприятеля в то время, когда оно занимается шпионажем. Шпион в случае захвата противником не имеет права на статус военнопленного (ст. 46) и не может быть наказан без предварительного суда.

Законными участниками вооруженных конфликтов являются также *добровольцы*. Еще Э. де Ваттель в своих трудах отмечал, что благородная цель изучить военное дело и стать таким образом более

---

²⁸ В отличие от разведчиков, лазутчики (шпионы) не относятся ни к одной из категорий воюющих, по характеру своей деятельности они рассматриваются как уголовные преступники и поэтому при захвате противником на поле боя не могут претендовать на режим военного плена.

способным с пользой служить своей родине создала обычай служить в качестве добровольцев даже в иностранных армиях. Нет сомнения, что такая похвальная цель оправдывает этот обычай. Поэтому добровольцы рассматриваются в настоящее время неприятелем, взявшим их в плен, так, как если бы они принадлежали к армии, в рядах которой сражаются. Это вполне справедливо, ибо они фактически принадлежат к этой армии, они борются за то же дело, и неважно, происходит это в силу какой-либо обязанности или в силу их добровольного решения²⁹. Эти слова классика являются актуальными и в наше время. Добровольцы, в отличие от наемников³⁰, вправе принимать участие в военных действиях воюющих сторон. Об этом недвусмысленно говорится в Конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны 1907 г.³¹ В ст. VI конвенции закреплено, что «ответственность нейтральной державы не возникает вследствие того, что частные лица отдельно переходят границу, чтобы поступить на службу одного из воюющих». Причем лицо нейтрального государства не может ссылаться на свой нейтралитет:

– если оно совершает действия, враждебные по отношению к воюющему;

– если оно совершает действия в пользу воюющего, а именно, если оно добровольно поступает на службу в ряды военных сил одной из сторон.

---

²⁹ Ваттель Э. де. Указ. соч. С. 565.

³⁰ В соответствии с нормами международного гуманитарного права наемник – это лицо: специально завербованное на месте или за границей, чтобы сражаться в вооруженном конфликте; фактически принимающее участие в военных действиях; принимающее участие в военных действиях с целью получить личную выгоду, материальное содержание которой значительно превышает вознаграждение, выплачиваемое комбатантам, входящим в личный состав вооруженных сил данного государства; не являющееся гражданином государства, находящегося в конфликте, или не проживающее на его территории; не входящее в личный состав вооруженных сил сторон, находящихся в конфликте; не посланное государством, которое является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил (ст. 47 Дополнительного протокола I 1977 г.)

Наемники не признаются законными участниками вооруженных конфликтов, на них не распространяется режим военного плена. Они по определению, непосредственно участвуя в военных или совместных насильственных действиях, совершают преступление и подлежат уголовной ответственности в соответствии с законодательством захватившей их воюющей стороны.

³¹ Арцибасов И.Н. Указ. соч. С. 240.

Как мы уже отмечали, в определении вооруженных сил сформулировано положение, позволяющее отличать комбатантов от некомбатантов, а именно – *наличие права у лиц, относящихся к названным категориям, принимать непосредственное участие в военных действиях, находясь в составе вооруженных сил*, а не причастность к процессу ведения войны, о чем можно было говорить до принятия ст. 43 Дополнительного протокола I.

В Дополнительном протоколе не нашло отражения понятие «некомбатант», но из смысла ст. 43 Протокола I вытекает, что к некомбатантам относится *медицинский и духовный персонал*. Именно эти категории лиц, находясь в составе вооруженных сил, не вправе братья за оружие для уничтожения противника.

В подтверждение такой классификации приведем следующие три аргумента.

Первый. Еще в Проекте международной конвенции о законах и обычаях войны, внесенном Россией на Брюссельской конференции (1874 г.), в состав вооруженных сил воюющих государств включались *комбатанты* (к ним были отнесены не только войска, но и ополчение (милиция), отряды волонтеров с соблюдением последними четырех условий – ст. 9) и *некомбатанты*. Первые, как сказано в этом документе, «принимают непосредственное и активное участие в военных действиях; последние, входя в состав войск, принадлежат к разным частям военной администрации, как-то: *духовной, медицинской* (выделено нами. – И.К.), интендантской, судной, или же только находятся при войсках» (ст. 10). Заметим, оба термина в ст. 9, 10 Проекта были написаны на русском языке. Причем подчеркивалось, что в отличие от остальных лиц медицинские чины, личный состав военных лазаретов, духовные лица пользуются «даже правами нейтралитета». Более того, в главе седьмой, озаглавленной «О некомбатантах и раненых» отмечалось, что «духовные лица, врачи, аптекари, фельдшеры, оставшиеся при раненых на перевязочных пунктах, а также весь вообще личный врачебный и вспомогательный состав военных госпиталей и походных лазаретов не подлежат военному плену и пользуются правом нейтралитета, если не принимают активного участия в военных действиях» (ст. 38).

В процессе работы конференции с учетом предложений делегаций других государств российский Проект по названию и содержанию был уточнен и обсуждался участниками конференции уже как единый

Проект международной *декларации* о законах и обычаях войны. При чем наряду с категориями воюющих (сражающиеся, несражающиеся), написанными на русском языке, в скобках приводилось их название на французском языке (combatants et non-combattants). В дополнение к российскому проекту к комбатантам было отнесено также население незанятой территории, которое при приближении неприятеля берется за оружие для отражения нападающего войска. Содержание понятия «некомбатанты» в проекте декларации не раскрывалось.

Из приведенных текстов проектов документов, обсуждавшихся на Брюссельской конференции, однозначно вытекает, что и в те времена к некомбатантам относили *медицинский и духовный персонал*.

Второй. В Конвенции IV отмечается, что гражданским лицом является любое лицо, не принадлежащее ни к одной категории лиц (то есть ни к комбатантам, ни к некомбатантам), указанных в ст. 4 (А.1, А.2, А.3 и А.6) Конвенции III и в ст. 43 Протокола I п. 2, чем косвенно признается деление воюющих на комбатантов и некомбатантов, так как в этих документах как раз и называются законные участники вооруженных конфликтов, относящиеся к этим категориям. В Протоколе I также упоминается лишь о двух прямо противоположных категориях лиц, входящих в состав вооруженных сил: комбатантах, имеющих право воевать, и медицинском и духовном персонале, такого права не имеющем, но иначе как несражающиеся (в переводе на французский язык – некомбатанты) их не назовешь. В пользу такого понимания, собственно, свидетельствует сама история становления и развития понятия «несражающиеся».

Третий. В отечественной и зарубежной международно-правовой доктрине, наряду с другими лицами, входящими в состав вооруженных сил или их сопровождающими, медицинский и духовный персонал относят к некомбатантам.

Так, профессора Р.А. Каламкарян и Ю.И. Мигачев, считают, что «некомбатанты – это лица из числа медицинского и духовного персонала, которые входят в состав вооруженных сил»³².

Ф.Кальсховен отмечает, что лица, имеющие право вести военные действия, – это прежде всего личный состав вооруженных сил (за исключением некомбатантов, таких как военные врачи

---

³² Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право: Учебник. 2-е изд. М., 2006. С. 642.

и священнослужители)³³. К великому удивлению его коллеги по МККК К.И. Сэмс гражданское население считает некомбатантами. Он пишет, что лица, оказывающиеся во власти противной стороны во время международного вооруженного конфликта, являются либо комбатантами (в этом случае они находятся под защитой III Женевской конвенции), либо некомбатантами (тогда они находятся под защитой IV Женевской конвенции). И продолжает: МГП предоставляет два режима защиты. Один применим к комбатантам, которые перестали принимать участие в конфликте, другой – к гражданским лицам. В совокупности они составляют целостную систему защиты всех лиц, оказавшихся во власти противной стороны во время международного вооруженного конфликта. Промежуточного статуса не существует³⁴. Такую же ошибку допускают Р. Гутмэн и Д. Рифф³⁵, так как это противоречит определению гражданского населения, содержащемуся в ст. 50 Дополнительного протокола I.

Исследователи по применению государствами норм обычного права Ж.-М. Хенкертс и Л. Досвальд-Бек сформулировали обычную норму 3, в соответствии с которой «все лица, входящие в личный состав вооруженных сил стороны в конфликте, являются комбатантами, за исключением медицинского и духовного персонала». Они при этом также ссылаются на национальное право зарубежных государств, например военные уставы Германии и США, в которых указывается, что «в составе вооруженных сил могут быть и другие *некомбатанты помимо медицинского и духовного персонала* (выделено нами. – И.К.). Однако некомбатантов из состава вооруженных сил, подчеркивают названные авторы, не следует путать с гражданскими лицами, сопровождающими вооруженные силы, которые по определению не входят в состав вооруженных сил (ст. 4.А.4 Конвенции III)³⁶.

---

³³ Кальсховен Ф. Ограничения методов и средств ведения войны. М.: МККК, 1994. С. 35.

³⁴ См.: Сэмс К.И. Террористические акты, «терроризм» и соблюдение международного гуманитарного права. С. 34.

³⁵ Роджерс А.П.В. Статус комбатанта. Военные преступления. Это надо знать всем / Под ред. Р. Гутмэна и Д.М. Риффа. Науч. ред. Ю.М. Колосов. М., 2002. С. 9.

³⁶ В Руководстве для военно-морских сил США утверждается, что «персонал организаций гражданской обороны и лица из состава вооруженных сил, которые приобрели статус сотрудников организаций гражданской обороны», являются некомбатантами, как и медицинский и духовный персонал. См.: Хенкертс Ж.-М. и Досвальд-Бек Л. Указ. соч. С. 17.

О праве на непосредственное участие в военных действиях как основе для разграничения комбатантов и некомбатантов говорит А.П.В. Роджерс, при этом медицинский и духовный персонал он относит к некомбатантам³⁷.

Таким образом, с принятием Дополнительного протокола I внесена ясность в деле разграничения личного состава вооруженных сил на две категории: а) те лица из состава вооруженных сил государств, кто имеет право воевать, являются комбатантами; б) те категории законных участников вооруженных конфликтов, которые такого права не имеют, отнесены к некомбатантам.

International Humanitarian Law in regard to the Definition of the Term “Armed Forces” (Summary)

Ivan I. Kotlyarov*

One of the major requirements of the international humanitarian law is the provision in regard of the fact that all the population of a state in war cannot participate in a military conflict, this task is performed by special structures created by the state: regular and irregular armies, usually united by the term “armed forces” (combatants and non-combatants).

In the article there is offered an analysis of customs, international legal documents, writings of Russian and foreign scholars, state practice, which reflect the evolution of the terms combatants and non-combatants during a substantial period of time starting from conclusion of the Convention on institutes and customs of land warfare of 1899/1907 and till Additional Protocol 1 of 1977 to Geneva Conventions of 1949. The author comes to a conclusion that Additional Protocol 1 clarified the issue of determining rightful participants in a military conflict as pertaining to one of the categories: а) combatants – persons belonging to armed forces of a state, who are entitled to wage a war; б) non-combatants (medical workers, priests) from the body of armed forces, who do not have such a right. Nonetheless the author points out that there is still no single opinion on this issue.

---

³⁷ См.: Роджерс А.П.В. Указ. соч. С. 420.

* Ivan I. Kotlyarov – Professor of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.